

DOI: 10.15372/HSS20190102
УДК 94(571.1)“1935/40”

В.Б. ЛАПЕРДИН

АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Институт истории Сибирского отделения РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8

В статье рассматривается проект аграрного развития севера Западно-Сибирского края, разработанный в 1935 г. Отмечено, что сельскохозяйственное освоение Нарымского округа и прилегающих к нему районов в первую очередь было связано с необходимостью решения зерновой проблемы. На территории региона этому препятствовали периодически повторявшиеся засухи, в основном поражавшие юго-западные районы. Показаны попытки краевых властей создать надежную зерновую базу в защищенных от влияния суховея северных районах с целью снабжения хлебом не только местного населения, но и региона в целом. Анализируется ходатайство регионального руководства перед Центром о принятии проекта по созданию мощной зерновой базы на севере края. Этот проект не был реализован, посевные площади практически не изменились. Его провал объяснялся не только переоценкой возможностей аграрного сектора осваиваемых районов, недостатками плановой системы советской экономики, но и репрессиями 1936 г., сменой руководства выделенной из Западно-Сибирского края в 1937 г. Новосибирской области.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, сельское хозяйство, зерновая проблема, крестьянство, Нарымский край, Сибирь.

V.B. LAPERDIN

AGRICULTURAL DEVELOPMENT OF WEST SIBERIAN NORTHERN REGIONS IN THE SECOND HALF OF 1930s.

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article objective is to analyze the project of agricultural development adopted for West Siberia northern regions in 1935. Assessing prospects for their further development, regional authorities set the main task to create powerful grain base there. It was intended to supply local population and meet intraregional needs. Put forward by the regional authorities, the project was approved by the Centre. Within five years, the project assumed the double increase of the arable lands, the expansion of motor and tractor stations' network, provision of northern farms with equipment, and animal husbandry development. The project included socio-political measures in addition to economic ones. According to the political leadership's opinion, the kulaks opposition in collective farms of northern regions hampered implementation of the project. It justified carrying out a "cleaning" campaign against the management of collective farms, which took place in spring-summer of 1936. The objective reason for this was that the state agrarian policy was opposed by leaders and ordinary members of newly created collective farms in the northern regions. Besides, the post of party organizer was introduced in the collective farms of the northern regions. The project of agrarian development was not implemented, but the repressive campaign of 1936 became its most prominent episode. Acreages remained virtually unchanged, and new motor tractor stations were small and not provided with their own repair base. The reasons that led to the project failure included both overestimating the agricultural sector potential of northern regions, and shortcomings of the Soviet economy planned system. The subjective factor – changing leadership of the Novosibirsk region that was allocated from West Siberian territory in 1937 – played a certain role.

Key words: agrarian policy of Soviet state, agriculture, grain problem, peasantry, Narym region, Siberia.

Вячеслав Борисович Лапердин – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: laperdin2011@mail.ru.

Vyacheslav B. Laperdin – Candidate of History Sciences, Junior Researcher, Institute of History SB RAS.

Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 30-х гг. уже являлось объектом исследования сибирских историков [1; 2; 3; 4], а проблема освоения ее северной части поднималась в контексте изучения крестьянской ссылки [5]. Тем не менее специфика сельскохозяйственного развития северной части Западно-Сибирского края¹, состоявшей из Нарымского округа и 13 районов, в указанный период детально не исследовалась. Цель настоящей статьи – рассмотрение разработанного в 1935 г. региональными властями проекта аграрного развития северной части Западной Сибири.

Проект развития северных районов Западно-Сибирского края вписывался в государственную концепцию увеличения валового сбора зерновых до 7–8 млрд пуд., выдвинутую И.В. Сталиным 1 декабря 1935 г. на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок. Региональные власти взяли на вооружение данную директиву, и с тех пор ни одно программное постановление по сельскому хозяйству, принятое Западно-Сибирским крайкомом ВКП(б), не обходилось без упоминания «сталинских 7–8 миллиардов пудов». Более того, первый секретарь крайкома Р.И. Эйхе заявлял о желании сделать Западную Сибирь «второй Украиной» по производству пшеницы. Так, выступая на VI пленуме Западно-Сибирского крайкома 25 июня 1935 г., он отметил: «Что этот лозунг значит? Украина имеет 120 млн га посевной площади. Мы вряд ли можем даже через 20 лет стать краем, который бы имел такую же посевную площадь, эту задачу край даже не может иметь в виду. Но чем мы можем стать второй Украиной? Мы можем стать второй пшеничной базой. Украина имеет 5 миллионов га посевов пшеницы. Мы имеем 3 [млн] 700 [тыс.] га посевов пшеницы»².

Достижению поставленной цели препятствовали факторы, с которыми пришлось столкнуться региональным властям. Один из них – периодически повторяющиеся засухи, особенно частые в юго-западных районах края. С целью уменьшения вреда, наносившегося сельскому хозяйству суховеями, разрабатывался проект мелиорации районов Кулундинской степи, в рамках которого предполагалось возведение плотины в районе г. Камня-на-Оби и постройка сети оросительных каналов. По ряду причин данный проект не был реализован. В 1936 г. краевое руководство решило развивать зерновое производство юго-западных районов за счет внедрения комплекса агротехнических мероприятий на основе травопольных севооборотов [6].

Кроме планов развития юго-западных районов, был разработан проект освоения северной части

края. Региональное руководство, понимая специфику Западно-Сибирского края и различные климатические условия отдельных его частей, дифференцированно подходило к развитию сельского хозяйства северных и юго-западных районов. Если в Кулундинской степи был резко континентальный климат, отличавшийся жарким засушливым летом и мало-снежной зимой, то в Нарымском округе и прилегающих районах – климат более влажный, здесь не случались засухи. Однако на этой территории ведение сельского хозяйства затруднялось из-за более продолжительной зимы и меньших сроков вегетационного периода, необходимости проведения в лесистой местности раскорчевки для расширения пашни, борьбы с заболоченностью, а также отсутствия необходимой инфраструктуры. Эти факторы тормозили развитие не только зернового хозяйства, но и животноводства. Тем не менее краевые власти высоко оценивали перспективы аграрного развития Севера, обосновывая свой проект перед Центром: «Северные районы Западно-Сибирского края по своим климатическим и почвенным условиям являются районами устойчивого земледелия и высокой урожайности всех основных культур. Урожай озимой ржи и овса за ряд лет в этих районах составлял 9–12 центнеров, яровой пшеницы – 8–11 центнеров, в отдельные годы поднимаясь по всем культурам до 15–16 цент[неров]. В 1935 г. при среднем урожае пшеницы по краю в 6 цент[неров] и овса в 5 цент[неров] по северным районам урожайность пшеницы составляла 9–12 цент[неров], а по овсу – до 11,5 цент[неров]»³.

На снижение среднекраевых показателей урожайности зерновых определяющее влияние оказывали засухи, ставшие постоянными для юго-запада и периодически распространявшиеся на другие районы. В 1935 г. край поразил неурожай, превышавший, по мнению Р.И. Эйхе, бедствие 1931 г. От недорода пострадало 42 района с посевной площадью свыше 2 млн га, что составляло 45 % посевных площадей колхозов края [7, с. 613]. Северные районы засуха не затронула. Их развитие в перспективе могло привести к созданию дополнительной зерновой базы, не зависящей от погодных условий юго-запада.

Руководство Западно-Сибирского края позитивно оценивало перспективы развития северных районов не только из-за климатических условий, но и вследствие хозяйственных успехов, достигнутых в первой половине 1930-х гг. Так, во многом благодаря организации спецпоселений посевная площадь колхозно-крестьянского сектора в этих районах увеличилась с 480 тыс. га в 1932 г. до 739 тыс. га в 1935 г., в том числе по Нарымскому округу – с 8 тыс. га в 1930 г. до 166,7 тыс. га. в 1935 г. Посевы пшеницы удвоились за 1933–1935 гг. и достигли 200 тыс. га. Развивалось не только зерновое производство, но и животноводство. поголовье крупного рогатого скота увеличи-

¹ В северную часть Западно-Сибирского края в 1935 г. включались Асиновский, Венгеровский, Зырянский, Ижморский, Крапивинский, Кожевниковский, Кольванский, Куйбышевский, Кыштовский, Северный, Томский, Тисульский, Тяжинский районы и Нарымский округа.

² Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2.Д. 669. Л. 27.

³ Там же. Д. 869. Л. 76.

лось за 1931–1935 гг. с 270 тыс. до 362 тыс., свиней – с 98 тыс. до 149 тыс. голов. Численность населения к этому же времени достигла 963 тыс. чел., что в целом должно было обеспечить необходимыми трудовыми ресурсами сельское хозяйство северных районов⁴.

В докладной записке первого секретаря Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе и председателя крайисполкома Ф.П. Грядинского, направленной в конце 1935 г. И.В. Сталину и В.М. Молотову⁵, предлагалось увеличить посевные площади северных районов к 1940 г. до 1300 тыс. га. Половина из них – 650 тыс. га – отводилась под пшеницу, в том числе под озимую до 120 тыс. га. Таким образом, средняя обеспеченность крестьянского двора могла достигнуть среднекраевого уровня, что выводило зерновое производство северных районов на совершенно иной уровень – они становились не потребляющими, а производящими. Увеличение посевов достигалось за счет освоения новых территорий. Для этого требовалось раскорчевать и расчистить площадей около 400 тыс. га.

Освоение новых, а также эффективное использование старых земель требовало повышения механизации труда. Между тем в северной части края в 1935 г. функционировало только 13 машинно-тракторных станций, в некоторых районах не было ни одной МТС. Слабая техническая вооруженность негативно отражалась на состоянии агротехники. Многие работы проводились вручную, что являлось причиной затяжных сроков посевной и уборочной. Как следствие, в условиях короткого лета засеивались не все свободные площади, а уборка посевов затягивалась и срывалась, что приводило к частичной потере урожая.

С целью улучшения технической оснащенности колхозов Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинский предлагали увеличить поставки в северные районы новой техники в существующие МТС, а для колхозов, находящихся вне их зоны деятельности, завезти конный инвентарь для полевых работ. Наиболее удаленные колхозы получали право покупки тракторов, рассчитываясь за них и за поставки горючего как деньгами, так и произведенной продукцией. В течение трех лет предлагалось строительство сети новых МТС с охватом 500–600 тыс. га, а также тракторных ремонтных мастерских и нефтяных баз для снабжения горючим. Для улучшения оперативного управления аграрным сектором экономики северных районов планировалось их разукрупнение и выделение новых районов из уже существующих, а также улучшение связи – прокладка телефонных линий между районными центрами и сельсоветами и дальнейшее развитие речного транспорта.

Кроме производственных мероприятий, руководство Западно-Сибирского края предлагало ряд мер социально-политического характера. Положительно оценивая результаты хозяйственной деятельности спецпоселенцев, оно выступило с инициативой вос-

становления в правах «той части трудпоселенцев, которые на деле доказали свою активность в строительстве неуставных колхозов и, став на путь честного труда, порвали со своим эксплуататорским прошлым»⁶. В первую очередь это предложение касалось молодежи. Дети спецпоселенцев по достижении совершеннолетия могли рассчитывать на получение гражданских прав в случае, если они порвали связь с родителями и занимаются общественно полезным трудом. После восстановления в правах спецпоселенцы могли беспрепятственно передвигаться в пределах районов Нарымского округа, а по истечении пяти лет им разрешался выезд в любой район СССР, за исключением того, из которого они были высланы. Подобные меры, по мнению регионального руководства, не должны были привести к оттоку населения. Восстановленные в правах к этому моменту обзаводились собственным хозяйством, что снижало их миграционные настроения.

Кроме того, Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинский предлагали меры по организационному укреплению колхозов, не входящих в сеть комендатур НКВД. К 1 ноября 1935 г. коллективизация северных районов достигла 78,3 %. Однако значительная часть сельхозартелей функционировала менее двух лет. Краевое руководство считало их засоренными элементами, враждебными советской власти. Во-первых, в северных районах зачастую не происходило выселение раскулаченных крестьян. Они оставались в пределах районов своего прежнего проживания. По имеющимся у крайкома данным, сюда бежали спасавшиеся от выселения крестьяне других районов, которые затем вступали в колхозы и занимались в них «антисоветской агитацией». В 1933–1934 гг. политотделы МТС провели значительную работу по «чистке» колхозов Западно-Сибирского края. Однако, поскольку большая часть сельхозартелей северных районов в это время находилась вне зоны деятельности МТС, они не подвергались «чисткам». Как следствие, по мнению регионального руководства: «Большинство колхозов северных районов <...> не сумели еще в достаточной мере укрепить и воспитать в колхозах новое отношение к труду и к колхозной собственности»⁷.

Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинский особо подчеркивали низкое качество руководящих кадров колхозов – председателей, членов правлений, бригадиров и других, считая их «по уровню общекультурной и политической подготовки» значительно ниже колхозного руководства других районов. По мнению руководства края, они были более подвержены антисоветской агитации и могли потакать крестьянским антиправительственным настроениям. Именно поэтому руководящие кадры колхозов должны были подвергнуться «чистке» в первую очередь: «В тех колхозах, где будет обнаружена особенно значительная засоренность состава правлений, после проверки руководящего состава провести

⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 669. Л. 75–76.

⁵ Там же. Д. 869. Л. 75–90.

⁶ Там же. Л. 187.

⁷ Там же. Л. 81.

перевыборы правления и на этой основе дать колхозу большевистское руководство»⁸.

Для укрепления руководящего состава сельхозартелей северных районов предлагалась переброска 300 председателей и бригадиров из передовых колхозов юго-западной части края. Они должны были занять места «вычищенных». Кроме того, организовывались курсы по переподготовке для 300–400 председателей, которые после окончания должны были заменить антисоветски настроенных руководителей колхозов. Таким образом, подвергнув «чистке» колхозную верхушку, краевые власти рассчитывали усилить контроль над сельхозартелями северных районов.

С целью «поднятия политической работы и борьбы за трудовую дисциплину» также предлагалось в 200 наиболее крупных колхозах Севера ввести на полтора–два года институт партийных организаторов, основной задачей которых стало бы проведение массово-агитационной и хозяйственно-политической работы. Они должны были «вести систематическую борьбу за очищение колхозов от кулацких и антисоветских элементов» и сплотить наиболее лояльных государству колхозников. Впоследствии из них предполагалось создать партийные ячейки.

Рассмотрев предложения Западно-Сибирского крайкома и крайисполкома, Центр решил их одобрить. 16 января 1936 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и подъему сельского хозяйства северных районов» [3, с. 419–422].

Проводившаяся работа по аграрному развитию северных районов включала также ее популяризацию. В 1935 г. вышла книга «Проблема освоения севера Западной Сибири» [8], где давалась общая характеристика хозяйственного развития северной части региона: лесной промышленности, сельского хозяйства, охотничьего, рыбного и промыслового хозяйства, а также энергетических ресурсов и транспортной инфраструктуры. Раздел по сельскому хозяйству был подготовлен специалистами Западно-Сибирского краевого земельного управления. Они детально описали проведение возможных агротехнических мероприятий, в частности, способы раскорчевки и необходимые для этого виды техники, обосновали возможность развития зернового хозяйства в специфических климатических условиях севера края, охарактеризовали почвенные ресурсы, предложили варианты севооборотов на основе травопольной системы. Говоря о перспективах развития животноводства, сотрудники крайземуправления отдавали предпочтение крупному рогатому скоту молочного направления.

Такая деятельность получила определенный отклик. Так, преподаватель Томского автодорожного техникума С. Соколов написал письмо на имя Р.И. Эйхе с предложением собственного проекта по осушению болот северных районов, в котором предупреждал об

опасности заболачивания, ставившего под угрозу развитие сельского хозяйства. Крайком перенаправил его письмо в Нарымский окружной комитет ВКП(б) и Западно-Сибирский краевой плановый отдел⁹. Дальнейшая судьба письма С. Соколова неизвестна.

«Чистка» колхозов, как указывалось выше, являлась важной частью проекта аграрного развития Севера. Устранив «антисоветские элементы» и заручившись поддержкой просоветски настроенных колхозников, государство рассчитывало сломить крестьянское сопротивление, поставив под строгий контроль сельскохозяйственные артели. Через месяц после выхода постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР Западно-Сибирский крайком санкционировал начало репрессивной кампании. Согласно постановлению от 19 февраля 1936 г. «О проверке руководящих кадров колхозов северных районов»¹⁰ райкомам и райисполкомам предписывалось провести проверку всех председателей колхозов и ревизионных комиссий, членов правления, счетоводов, заведующих фермами, а также бригадиров и кладовщиков. Срок проверки устанавливался с 1 марта по 15 июля 1936 г. Для ее проведения в каждом районе организовывались комиссии, возглавлявшиеся председателем местного райисполкома. Кроме него, членами комиссии становились секретарь райкома, заведующий районного земельного отдела и представитель НКВД. В зоне действия МТС к работе привлекались заместители директоров МТС по политической части. Краевые власти уделяли большое значение проведению чисток, обязав заниматься ими непосредственно районное руководство.

В ходе этой кампании руководящий состав колхозов северных районов был «вычищен» от неугодных местным властям «контрреволюционных элементов». В их число попали руководители, уличенные в воровстве, бесхозяйственности, невыполнении государственных планов и распространении «антисоветских» слухов. Несмотря на допущенные районными властями многочисленные «перегибы», основная цель была достигнута – в руководстве колхозов оказались лояльные режиму лица. Как следствие, уже весной 1936 г. повысилась эффективность работы сельхозартелей: «В Асиновском районе в результате смены руководства в колхозе „Большевик” заметно резкое улучшение хозяйственной работы. Отремонтирован к весне весь сельхозинвентарь, закончили обмолот, засыпали и отсортировали семена, ликвидировали обезличку в животноводстве. Председателем работает активист тов. Авдеев.

Во всех колхозах Асиновского района, где проведена проверка, составлены производственные планы, разработаны ежедневные задания на период весеннего сева, заключены соцдоговора между бригадами, звеньями, отдельными колхозниками, и абсолютное большинство колхозников не на словах, а на деле включи-

⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 869. Л. 83.

⁹ Там же. Оп. 10. Д. 30. Л. 678–681 об.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 698. Л. 9.

лись в соцсоревнование. В колхозе „Красный восток” после проверки нет ни одного случая невыхода колхозников на работу, проведен смотр готовности к севу»¹¹. Увеличение производительности труда отмечалось повсеместно во всех районах, прошедших «чистку» колхозных кадров.

В марте 1936 г. были отобраны и командированы на места 175 партторгов. Во время «чистки» они включились в работу комиссий. Так, «партторг крайкома в колхозе «Вторая пятилетка» Пихтовского района тов. Казноделов с приездом в колхоз вскрыл, что правление во главе с председателем колхоза состоит из враждебных антиколхозных элементов, связанных между собой родством <...> Правление колхоза было переизбрано, а председатель колхоза, как бывший кулак, Лубнин вместе со своими родственниками исключен из колхоза»¹². Р.И. Эйхе в адресованной И.В. Сталину записке констатировал: «Партторги оказали районным организациям большую помощь в проверке руководящего состава колхозов, проводимого в этих районах в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК»¹³. После окончания кампании по «чистке» колхозов партторги продолжали выявлять антисоветски настроенных крестьян, содействуя их исключению. Кроме репрессивных функций, они решали задачи идейно-политического характера, а именно: организация партийных и комсомольских ячеек или групп сочувствующих, развитие стахановского движения, создание кружков «политграмоты», где обсуждались последние события в стране и за рубежом, Конституция 1936 г., московские процессы, ключевые выступления И.В. Сталина, а также гражданская война в Испании.

Партторги принимали заметное участие и в хозяйственной жизни колхозов. Отсутствие точного понимания поставленных перед ними задач иногда приводило к так называемым перегибам – увлечению хозяйственными делами в ущерб идейно-пропагандистской работе. Районные партийные организации нередко привлекали партторгов к работе, выходящей за рамки их основных функций: «Некоторые РК, например, Венгеровский, Северный, Крапивинский, пытались использовать партторга крайкома в качестве уполномоченных райкома, отвлекая от непосредственной работы в колхозе, давая непосильные дополнительные нагрузки»¹⁴. Несмотря на недочеты в работе партторгов и небольшое количество колхозов, в которых они работали, Западно-Сибирский крайком положительно оценивал их деятельность и в начале 1937 г. ходатайствовал перед Центром о закреплении института партторгов в колхозах северных районов «по меньшей мере еще на один год»¹⁵.

Весной 1936 г. в северные районы начался завоз сельхозмашин. Впрочем, как следует из подготовлен-

ной Западно-Сибирским краевым земельным управлением справки, поставки техники в первой половине года проходили неудовлетворительно, а отпущенные на сельхозмашины кредиты полностью не использовались. Тем не менее уже тогда было организовано 13 запланированных в 1936 г. МТС с охватом посевных площадей по яровым культурам 91,6 тыс. га¹⁶. Следует отметить, что созданные на территории северных районов МТС были мелкими. Большинство из них не имели ремонтной базы и вынуждены были производить ремонт в мастерских, находившихся за многие десятки километров (Кривошеинская МТС – за 150 км, Рыбаловская – за 130, Ижморская – за 120, Мотковская МТС – за 80 км)¹⁷.

Оценивая эффективность государственных мер по аграрному развитию северных районов Западно-Сибирского края, можно заключить, что посевные площади к концу 1930-х гг. практически не увеличились. Ожидаемые 1300 тыс. га так и не были засеяны. В 1939 г. в колхозах северных районов Новосибирской области¹⁸, включая Нарымский округ, площадь посева всех культур составляла 770 тыс. га, в том числе пшеницы – 246 тыс. га¹⁹.

К причинам, приведшим к провалу реализации проекта, можно отнести переоценку потенциала аграрного сектора северных районов края и недостатки плановой системы советской экономики, проявившиеся уже в начале 1936 г. Выделенные кредиты для завоза сельскохозяйственных машин использовались слабо вследствие плохой работы краевого земельного управления. Кроме того, руководство выделенной из Западно-Сибирского края Новосибирской области волновали совсем иные вопросы. Проект создания мощной зерновой базы в северных районах так и не был реализован.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гуцин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 518 с.
2. *Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г.* Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 288 с.
3. Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: док.-моногр. изд. / под ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2011. 608 с.
4. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / В.А. Ильиных, С.Н. Андреевков, В.М. Рынков [и др.]. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2012. 408 с.

¹⁶ Там же. Л. 181–182. До 1940 г. в северных районах было создано еще 9 новых МТС (там же. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 356. Л. 54–59).

¹⁷ Итоги хозяйственного и культурного строительства в Новосибирской области за второе пятилетие (1933–1937 гг.). Новосибирск, 1939. С. 66.

¹⁸ В сентябре 1937 г. Западно-Сибирский край был разделен на Алтайский край и Новосибирскую область. Северные районы упраздненного края вошли в состав Новосибирской области.

¹⁹ Новосибирская область в 1939 г.: стат. сб. Новосибирск, 1940. С. 162–167.

¹¹ ГАНО. Оп. 1. Д. 709. Л. 448.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 869. Л. 162.

¹³ Там же. Л. 163.

¹⁴ Там же. Л. 171.

¹⁵ Там же. Л. 172.

5. Красильников С.А. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2010. 327 с.

6. Лапердин В.Б. Проекты аграрного освоения Кулундинской степи в 1930-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 4. С. 105–109.

7. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 4: 1934–1936 / под ред. В.П. Данилова. 1056 с.

8. Проблема освоения севера Западной Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кр. изд-во, 1935. 259 с.

REFERENCES

1. Gushchin N. Ya. Siberian village on the way to socialism. (Socio-economic development of Siberian village during the period of socialist reconstruction of national economy, 1926–1937). Novosibirsk, Nauka, 1973, 518 p. (In Russ.)

2. Gushchin N. Ya., Kosheleva E. V., Charushin V. G. Peasantry of West Siberia in pre-war years (1935-1941). Novosibirsk, Nauka, 1975, 288 p. (In Russ.)

3. Il'inykh V. A., Kavzevich O. K. (eds.) Agrarian policy of Soviet state and Siberian agriculture in 1930s: a documentary monographic publication. Novosibirsk, IH SB RAS, 2011, 608 p. (In Russ.)

4. Il'inykh V. A., Andreenkov S. N., Rynkov V. M. [et al.] Siberian agriculture in the XX century: crises and problems of development. Novosibirsk. IH SB RAS, 2012, 408 p. (In Russ.)

5. Krasilnikov S. A. Roots or flinders. Peasant families in West Siberian special settlements in 1930s - early 1950s. Moscow, ROSSPEN, 2010, 327 p. (In Russ.)

6. Laperdin V. B. Projects of agrarian development of Kulunda steppe in the 1930s. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2018, no. 4, pp. 105–109. (In Russ.)

7. Danilov V. P. (ed.) The Soviet village tragedy. Collectivization and raskulachivanie. 1927–1939. Documents and materials. Moscow, ROSSPEN, 2002, Vol. 4: 1934–1936, 1056 p. (In Russ.)

8. The problem of development of northern West Siberia. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoyekraevoye izdatelstvo, 1935, 259 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 10.12.2018